

А. И. ЧЕПЕЛЬ

«БЫЛ БЕЗ ПРОЕЗЖЕЙ И ХОТЕЛ СВОИХ ДЕТЕЙ НАВЕСТИТЬ»

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ СЕМЕЙ В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

На основе документов российских архивов анализируются особенности взаимодействия между родственниками, разделёнными шведско-русской границей, установленной по условиям Столбовского мира. Делается вывод, что родственные связи приграничного населения и двойственная политика приграничных властей способствовали нестабильности на границе.

Ключевые слова: *Столбовский мирный договор, шведско-русское приграничье, проблема перебежчиков, православие, лютеранство.*

Современный мир даёт множество примеров стремительного изменения границ между государствами что приводит, в частности, к неожиданному появлению «зарубежных родственников». Раньше мы могли свободно ездить друг к другу, а теперь, чтобы повидаться, необходимо получать загранпаспорт, оформлять визу. В сходное положение в XVII в. было поставлено население северо-запада России. По Столбовскому мирному договору 1617 г. царь Михаил Федорович уступил в пользу Швеции северо-западные территории России – Корельский уезд, ставший шведским Кексгольмским леном, и Ижорскую землю, получившую название Ингерманландии. Люди, до этого имевшие возможность общаться беспрепятственно, оказались по разные стороны новой шведско-русской границы. Одни остались царскими подданными, другие оказались подданными шведского короля. Какое влияние оказало разлучение семей на положение в шведско-русском приграничье?

Сначала рассмотрим проблему применительно к организации обороны рубежа. Здесь большое значение имела информация о состоянии обороноспособности соседа, и эти сведения были особенно важны по следующим причинам. Проведение линии границы растянулось до августа 1621 г.¹, но еще до середины 1650-х гг. регулярно проводились межевые съезды для корректировки линии границы². Кроме того, для организации надежной охраны и обороны рубежей зачастую просто не

---

¹ Жуков. 2000. С. 36.

² Курсков. 1958. С. 152.

выделялось достаточно людей и денег³, а в некоторых приграничных районах застав не было вовсе⁴. Современные исследователи признают, что охрана границы была организована плохо⁵, и это приводило к ее беззащитности⁶. В чем причина такого нерадения к обороне рубежей?

Первая половина XVII в. для Швеции – время значительных усилий, направленных на упрочение положения страны в ряду великих держав⁷, и такая политика, в частности, требовала создания национальной профессиональной армии⁸. С другой стороны, наемные армии обходились «так дорого, что требовали напряжения всей финансовой мощи государства»⁹. Швеция в XVII в. оставалась редко населённой аграрной страной, и денег в казне «хронически не хватало»¹⁰. К тому же, с ростом территории Шведского государства расходы на фортификацию также увеличивались значительными темпами¹¹. Не случайно шведские армии стремились захватить и удержать лишь важнейшие в стратегическом экономическом отношении территории, в первую очередь – устья рек, впадающих в Балтийское море¹², отрезая доступ к Балтике другим странам региона¹³: контроль балтийской торговли сулил огромные прибыли от сбора таможенных пошлин¹⁴.

Россия, как и Швеция, в первой половине XVII в. вела активную внешнюю политику, и это также требовало мобилизации значительных материальных и людских ресурсов. Специалисты указывают на то обстоятельство, что, по крайней мере, до гибели в 1632 г. шведского короля Густава II Адольфа правительства обеих стран стремились к дипломатическому сближению для совместной борьбы с общим врагом – Речью Посполитой, но прочной основы для шведско-русского союза, помимо борьбы против третьей стороны, не усматривают¹⁵. Видимо, именно это противоречие в дипломатических отношениях государств

³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 47; 1631 г. Д. 1. Л. 2.

⁵ Сербина. 1951. С. 232; Мюллер. 1952. С. 216.

⁶ Курбатов. 2007. С. 185.

⁷ См., например: Roberts. 1973; Кан. 1974. С. 185–192; Шаскольский. 1982. С. 101–102; Заборовский. 1997. С. 70–73; Рогинский. 2008. С. 88–103.

⁸ Уртон. 1998. Р. 7.

⁹ Поршнев. 1976. С. 231.

¹⁰ Кан. 1980. С. 26. См. также: Заборовский. 1994. С. 143.

¹¹ Пийримяэ. 1980. С. 36–48.

¹² Roberts. 1958. Р. 420.

¹³ Frost. 2000. Р. 103.

¹⁴ Поршнев. 1976. С. 53.

¹⁵ Миронова. 2009. С. 178, 184.

соседей позволяет современным исследователям охарактеризовать эти отношения как состояние «полувражды»¹⁶, при которой одна страна относительно другой была «давним соперником и недолговечным другом»¹⁷. Тем не менее, стороны делали попытки укрепить дипломатические контакты путем обмена постоянными представителями¹⁸. Россия, заинтересованная в том, чтобы шведская армия успешно вела боевые действия против Речи Посполитой, предоставляла Швеции скрытые финансовые субсидии в форме беспошлинной продажи хлеба¹⁹. Шведское правительство, в свою очередь, организовывало в Московском государстве производство артиллерийских орудий²⁰ и, несмотря на потребность шведской армии в снаряжении и оружии, поставляло для русской армии латы, мушкетеры, пистолеты²¹, а также присылало царю военных специалистов, чтобы «учить воинских ратных людей»²². Таким образом, взаимно нуждаясь в военно-политическом сближении, обе страны повышали оборонный потенциал друг друга.

Основные силы задействовали вдали от границы. У рубежей размещались, в основном, гарнизонные войска, а полевые доставлялись туда только в случае непосредственной угрозы нападения²³. Русское правительство, испытывая потребность в увеличении численности пограничных войск, но, не имея для этого денег, в дополнение к отрядам стрельцов и казаков, расположенных в порубежных крепостях, стало набирать из жителей приграничья так называемых «пашенных солдат», не отличавшихся высокой боеспособностью²⁴. Шведское правительство также искало возможности уменьшения расходов на содержание гарнизонов²⁵, отдавая комендантам приграничных крепостей указания «переписать в уездах всяких людей, которые в службу пригодятца, оставлять только старых да малых да женок», и приграничные власти отбирали для войн в Европе «кнехтов лучших», оставляя «худых людей для караулов»²⁶. Таким образом, безопасность границы обе стороны надея-

---

¹⁶ Рогинский. 1997. С. 191.

¹⁷ Жуков. 2003. С. 203.

¹⁸ Иванов. 2002. С. 39; Шаскольский. 1998. С. 61.

¹⁹ Поринев. 1945. С. 317–340.

²⁰ Лобин. 2006. С. 383–397.

²¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 819, Д. 828, Д. 833, Д. 835, Д. 965; Шаскольский. 1998. С. 45.

Экономические связи между Россией и Швецией... 1978. № 43. С. 76.

²³ Лайдре. 1986. С. 103–104.

²⁴ Епифанов. 1979. С. 245–246.

²⁵ Пийримяз. 1980. С. 39.

²⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 906. Л. 1.

лись обеспечить скорее дипломатическими, чем военными средствами. Оперативное управление приграничными землями осуществляли воеводы русских приграничных городов и коменданты шведских приграничных крепостей, в русских документах именуемые «державцами»²⁷.

Особое значение в условиях слабой обороны рубежей придавалось сбору сведений о военных приготовлениях в соседней стране. Протяжённая граница позволяла шведским и русским пограничным властям систематически отправлять лазутчиков для получения оперативных сведений, для чего подбирались люди, которые имели налаженные связи за рубежом, например, торговцы: по всей Европе обычным делом было сочетание торговли с разведкой²⁸. Новая граница открывала здесь и другие возможности. Так, в 1621 г. новгородские воеводы отправили лазутчиком в шведские земли, в Ивангород, Микиту Шандина, и так объясняли Москве свой выбор: «А посылали мы того Микитку в Ивангород для вестей потому, что наперед сего он бывал в Ивангороде <...>, и у него там знакомцы и племя есть»²⁹. Упоминание «племени» (родственников), живших у Микитки за рубежом, говорит о том, что власти стремились использовать для сбора «вестей» родственные связи местных жителей. Зачастую, именно благодаря родственным связям разделённых границей людей, представители приграничных властей убеждали подданных соседнего государства собирать информацию в интересах иностранного монарха. Так, в 1619 г. на границе был пойман крестьянин, который русскую «заставу учал было обходить лесом». Расследование показало, что он – царский подданный, крестьянин Савка, который был завербован шведами, когда ходил к брату Поташке в шведские владения, в Ивангород, «повидатца». Зарубежный родственник исправно служил шведской администрации: «И брат <...> ево про него объявил Свейскому маршалку Карлу Карлову, и маршалок <...> послал его, Савку, к Москве проведать <...> вестей, и дал ему денег на дорогу полтора рубли. А проведав <...> вести, велел ему маршалок быть у себя в Ивангород»³⁰. «Маршалок», оправдывая завербованного лазутчика, ссылаясь на нестабильное положение в приграничье из-за присутствия там польских отрядов, одинаково опасных для населения по обе стороны шведско-русской границы³¹. Каковы бы ни были причины использо-

---

²⁷ Курсков. 1958. С. 149.

²⁸ Жуков. 2003. С. 76.

²⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Репстр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 169.

³⁰ Там же. 1619 г. Д. 1. Л. 32–33.

³¹ Селин. 2008. С. 83–85.

вания царского подданного в качестве лазутчика, своими действиями шведский «маршалок» подталкивал порубежных жителей к нелегальному пересечению границы. Из рассмотренного эпизода не ясно, какие рычаги использовали шведские власти, чтобы убедить Савку заниматься проводыванием «вестей» в пользу Швеции. Вполне вероятно, что Поташка выступал своего рода заложником в руках шведов, и отказ Савки мог повлечь для шведского родственника печальные последствия. Возможно, это были корыстные мотивы, или же Поташка по своей воле стал сотрудничать со шведской администрацией, стремясь заработать в глазах «маршалка» хорошую репутацию. В любом случае, эпизод показывает, что разделение родственников линией границы оказывало влияние на организацию разведки в приграничных областях.

Граница разделила также православных священников со своими духовными детьми. Традиционно отношения православного священника и его паствы рассматривалось в рамках так называемой покаянной семьи – людей, регулярно причащающихся и исповедующихся у одного иерея, считавшегося их духовным отцом. Связь духовника со своими духовными детьми подразумевала живое религиозно-нравственное и простое житейское общение³². Этой духовной связью русские власти пользовались, в том числе, для сбора «вестей» в шведских владениях. Об этой практике повествует следующий эпизод. Русская крепость Гдов до 1621 г., до завершения межевания приграничных земель, находилась в залоге у шведов, и шведские власти снаряжали оттуда лазутчиков в соседние Псков и Печерский монастырь, интересуясь местами дислокации русских войск. Русские власти узнали об организации этих мероприятий от «попа Иосифа Лукина сына», который был отправлен воеводами к Ионе, игумену Озерского монастыря, находившегося на подконтрольной шведам территории, в Гдовском уезде. Стремление получить информацию о намерениях шведов именно от игумена объясняется следующим обстоятельством. Иона сумел наладить почти дружеские отношения со шведской администрацией: «И тот озерской игумен знаеца на Ивангороде и во Гдове с немецкими приказными людьми и с рускими детьми боярскими, которые там живут <...>. Да у игумена <...> был на пиру Гдовский державец и приказные немцы». Отправка в этом случае лазутчиком именно «попа Иосифа» раскрывается русскими приграничными воеводами так: «А тому игумену он сын духовный»³³.

---

³² Стефанович. 2002. С. 236–237.

³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 158–159.

Появление границы, разделившей семьи, внесло новые проблемы и открыло новые возможности также в частной жизни порубежных жителей. Так, осложнилось получение наследства от оставшихся за рубежом родственников: при попытке перевезти по праву принадлежащее наследнику имущество через рубеж, он мог быть признан грабителем. В 1623 г. Корельский «державец» Индрик Монсон уведомил новгородские власти, что в шведские приграничные деревни приходила банда во главе с Алешкой Тонконогим – пограбили местных жителей. Русские власти отыскивали трех русских крестьян, которые попали под подозрение. В расспросе обвиняемые нарисовали иную картину происшедшего. По их словам, у Алешки за рубежом жил отец, Афанасий, умерший в 1622 г. Тогда сын «сказал у себя отца своего духовную», а всё отцовское имущество хранилось у шведского подданного, у крестьянина Пимена, и Алешка с этими тремя крестьянами отправился за рубеж не для грабежа, а с целью получения наследства, «явно, а не тайно». Пимен отдал наследнику оставленных отцом по духовной двух коров, быка, мерина и различные вещи. Животные и наследственное имущество было перевезено на русскую территорию. Из дальнейшего расспроса понятно, что позже Алешка уже один ходил в ту же шведскую деревню, и привел корову и лошадь – «и сказал им, что ему Пименко дал»³⁴. Рассмотренный эпизод наводит на мысль о том, что, возможно, дело обстояло совсем по-другому. Предположим, что все обвиняемые действительно составляли банду разбойников, промышлявших грабежами в близлежащих зарубежных деревнях. Тогда само по себе наличие отцовского наследства в шведских владениях служило хорошим оправданием: преступники получали возможность представлять перемещения уведенных животных и награбленных вещей через границу как транспортировку наследственного имущества. Таким образом, разделение семей границей, установленной по Столбовскому миру, оказывало влияние на разрастание преступности на порубежных территориях.

Разделение многих семей линией границы могло использоваться преступниками как оправдание своего нелегального нахождения на территории соседнего государства тягой к родственному общению, избегая при этом обвинения в худших намерениях – в шпионаже, грабежах. Так, в 1630 г. русские подданные, некие Прошка и Харка, были обвинены в проникновении в шведские владения и убийстве королевских подданных – «латышей» (так в русских документах именовались жившие по соседству с северо-западными областями России народы, исповедовав-

---

³⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; Д. 55. Л. 1–2.

шие лютеранскую веру³⁵). Совместно с русскими, обвинялся и «зарубежный мужик», Гаврилко. Дело получило широкий резонанс, и король Швеции велел докладывать ему лично о ходе следствия. Поначалу все участники этой «международной трансграничной банды» отпирались, но в итоге Прошка и Харка повинились, сказав, что «побили <...> тех латышей они. А пошли <...> за рубеж к племени своему, Прошка к сестре, а Харка к брату». На грабеж, приведший к кровавой развязке, их якобы подбил именно Гаврилко, указавший конкретное селение, «а они до того про тех латышей не ведали»³⁶.

Для проведывания родственников за рубежом необходимо было получить у властей разрешительный документ – «проезжую грамоту». При ее отсутствии человек, пересекавший границу, признавался перебежчиком. Так, вскоре после русско-шведской войны 1656–1658 гг. шведский подданный, крестьянин Федор Андреев, без проезжей грамоты пришел на русскую территорию, был задержан как перебежчик, и выдан шведам. Несмотря на явное нарушение правил пересечения границы, здесь именно намерения послужили оправданием перебежчика в глазах шведской приграничной администрации. Оказалось, что крестьянин этот «был без проезжей и хотел своих детей навестить». Во время минувшей войны он и вся его семья были пленены и вывезены со шведской территории в Россию. Когда настало мирное время, «отец помянутой Федор попомнил свою присягу его королевскому величеству и короне Свейской <...>, он один с женою своею на свое старое житье пришел». Сыновья его, вопреки условиям договора, не были отправлены обратно в Швецию, что и подвигло Федора отправиться повидаться с сыновьями. Это намерение и позволило шведскому коменданту оправдать крестьянина – «Только ходил он не как перебежчик»³⁷. Цель Федора Андреева не могла служить оправданием его нелегальных переходов как из русского плена домой, в шведские владения, так и к детям, в русские земли: и Валиесарское перемирие 1658 г., и Кардисский мир 1661 г. подразумевали определенную процедуру возвращения пленников – «выдачу»³⁸, а не переход через границу без уведомления властей. Поэтому и в этом случае мнение шведского коменданта размывало в умах порубежных жителей понятие границы.

³⁵ Экономические связи между Россией и Швецией... 1978. № 18. С. 184.

³⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 24.

³⁷ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 67–68.

³⁸ ПСЗ. 1830. № 240. С. 473; № 301. С. 544.

Таким образом, стремление разлученных рубежом родственников продолжать общение увеличило число трансграничных миграций, что осложняло положение в приграничье. При этом даже наличие проезжих документов не гарантировало безопасность мигрантов. Так, в 1622 г. два казака – Ивашко Лукин Жаркой и Минка Ерофеев, отправились на шведскую территорию, в Корелу и Орешек – «сыскать и навестить своих сродичов и племяни». От русских властей им была дана «к немецким горододержавцам грамота оберегальная». В Кореле «державец» на основании этого документа выдал свою грамоту, позволив казакам свободно передвигаться в шведских землях. Казаки съездили «к племянникам своим», но на обратном пути подверглись насилию со стороны местных старосты и дьяка. Казаков «староста Самуила Пункенен да дьяк Борис Кузьмин велели изымать, и они у них отняли и пограбили» деньги и перстень, «да сорвали с ворота крест серебрян», день продержали в подполе, после чего отпустили³⁹.

В приведенном выше эпизоде о крестьянине, который без проезжей грамоты пришел в русские земли, и «хотел своих детей навестить», затронута важнейшая проблема шведско-русского приграничья – проблема перебежчиков, давно привлекающая внимание исследователей⁴⁰.

Одной из причин роста числа перебежчиков было стремление к воссоединению семей. Бывали случаи, когда родственники соединялись при посредничестве самих монархов. Так, в 1623 г. новгородский воевода докладывал царю об исполнении монаршей воли. Ещё в 1622 г. Михаил Федорович распорядился специально написать коменданту Орешка, чтобы он нашел и отпустил в Россию оставшуюся в шведских землях девку Прасковью, свояченицу князя Б. М. Мещерского. Новгородский воевода писал о Прасковье Орешковскому «державцу» несколько раз, и в итоге свояченица была сыскана и возвратилась в Москву⁴¹. В этом случае вмешательство царя было связано с тем, что просителем выступал представитель высшей знати, князь. Тем интереснее то обстоятельство, что новгородскому воеводе, чтобы выполнить царскую волю, пришлось неоднократно сноситься с комендантом Орешка. Одна из причин затягивания дела, об исходе которого следовало доложить лично царю – отлучка коменданта из Орешка на какое-то время⁴². Этот

³⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 13-14; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 80. Л. 3-4; Д. 327. Л. 1; Д. 328. Л. 1.

⁴⁰ См., например: *Якубов.* 1897; *Жербин.* 1956; *Kirkinen.* 1995.

⁴¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 200. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 233. Л. 1.

эпизод показывает, что решение вопроса о выдаче даже члена княжеской семьи могло затянуться на неопределенное время, если на месте не оказывалось главы приграничной администрации. Такое положение дел делает понятным стремление порубежных жителей самостоятельно, избегая участия бюрократических механизмов, решать вопросы общения и воссоединения семей.

Особенно обострялась ситуация после разменов перебежчиками между государствами, когда родственники в очередной раз разлучались, и тогда нарушители границы оправдывались стремлением соединиться с родней. В 1636 г., сразу после такого размена, русские власти отправили начальнику заставы – «заставному голове» Богдану Тыркову следующие инструкции. Если перебежчики со шведской стороны, которые по царскому указу выданы шведским властям, «учнут приходи к тебе на заставу и проситца в государеву сторону по жен своих и по детей», таких не пропускать. Следовало говорить, что если у пришедших на заставу в царской стороне остались временно не способные из-за болезни к передвижению жены и дети, то нужно ждать, когда шведские власти укажут их в списках перебежавших. После этого русские власти разыщут их и «отдадут за рубеж на розмене иным временем». Отдавая такое распоряжение, русские власти осознавали, что эти объяснения вряд ли смогут сдержать напор стремившихся к соединению родственников. Поэтому заставному голове далее предписывалось «того б еси беречь накрепко, чтоб однолично с Свейские стороны <...> перебешики русские люди и латыши мимо заставу не проходили и тайно не прокрадывались, а присылали б перебешики <...> по жен своих и по детей своих иных зарубежных людей, не перебешиков, с проезжими грамотами»⁴³.

Обратная ситуация возникла после русско-шведской войны 1656–1658 гг. В 1659 г. из Москвы в Новгород были присланы «свейские полоняники». Их следовало отпустить в шведские земли, но пленники отказались покидать территорию России на том основании, что здесь у них остаются родственники⁴⁴. В том же 1659 г. группа шведских крестьян с проезжими грамотами пришли в русское приграничье – «своих жон и детей сыскивати»⁴⁵.

Близость границы не только приводила к разделению семей, но также способствовала созданию новых. До появления границы люди общались беспрепятственно, и после Столбовского мира, несмотря на

---

⁴³ Там же. Д. 634. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Д. 149. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 250. Л. 1.

появление новой границы, продолжали заключаться браки – теперь уже с «зарубежными» людьми. Так, в 1626 г. из русских владений на шведскую территорию перебежала царская подданная, вдова, и вышла замуж за подданного шведского короля. Переход этот был обусловлен тем обстоятельством, что вдова осталась без средств к существованию и, попав «в такую великую бедноту, <...> пришла она к своему племени с ними повидается и у них кое чего прошать, чем бы ей прокормится». Оказалось, что эти родственники теперь живут в шведских владениях, так что вдова попала в разряд перебежчиков. Заграничные родственники «учали думать, чем ей какую помогу учинить», и, в конце концов, выдали замуж. Когда русский воевода стал требовать выдать беглянку обратно, за нее вступился шведский комендант. В оправдание он указывал воеводе: «для того, что она попала в такую великую бедноту и родилася на нашего короля стороне <...> пришла она к своему племени». Говоря о рождении новой семьи, комендант особо отмечал, что «поп русский именем Кондратий венчал их. И то те крестьяне учинили по христианскому обычаю. Да и подобает на обе стороны христианам такую любовь и законное дело чинить». Комендант, отвечая на требование воеводы вернуть перебежчицу, писал: «Может то быть, что ты преж сего про то не слыхал и о том деле не ведаешь, что порубежные мужики», приходившие с царской стороны, «женивались у нас <...> на вдовах и на девках на поповских дочерях и на иных простых людей дочерях и отвозили с собою за рубеж по соседственной любви». «Державец» предупреждал воеводу: «И будет тебе такое законное дело недобро повидитца и соседственна приятельства не залюбишь и вперед такого не хочешь терпеть, и я с своей стороны так же такого любви и приятельства против того не стану учиняти. И везде закажу, чтоб никто» со шведской территории не осмелился «после сего дни давать дочь свою или вдову замуж <...> как преж сего бывало», на царскую сторону. Комендант уверял воеводу, что не подобает новобрачную «назад просить и с мужем разлучить и законный брак рознити», и требовал: «А если ты однолично хочешь ее с мужем разлучить и хочешь, чтоб я тебе ее прислал, и мое к тебе соседственное прошение, чтоб ты всех тех вдов и девок, которые во многие лета преж сего законным делом к вам за рубеж перешли, к нам назад <...> безо всякого отговору отдал»⁴⁶. В этом послании шведский комендант поднимал важные проблемы, осложнявшие положение в приграничье. Шведы постоянно упрекали русских в том, что те удерживают на своей стороне перебежчиков посредством креще-

---

⁴⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 129–133.

ния в православную веру⁴⁷. Есть сведения, что условием оставления перебежчика в России зачастую выдвигался именно переход в православие. Так, в 1626 г. в пригранные русские земли из шведского Кексгольмского лена перебежал «латыш» Гейкий, и местные крестьяне позволили жить ему «где похочет», выдвинув при этом требование – принять православие⁴⁸. За крещением нередко следовал семейный союз с царской подданной⁴⁹. Подобной практике помогало то обстоятельство, что среди перебежчиков большинство составляли молодые люди⁵⁰. Кроме того, на русской стороне активно эксплуатировали бытовавшее в то время среди населения представление о том, что православный – значит, подданный русского царя⁵¹. В рассмотренном эпизоде с вышедшей в шведских владениях замуж вдовой прослеживается попытка шведской стороны использовать для привлечения населения те же противоречившие мирным соглашениям методы, какие практиковали русские власти.

Близость границы создавала как проблему трансграничных браков, так и проблему «трансграничных разводов». Нередко один из супругов бросал семью, уходил за рубеж⁵², где иногда вступал в новый брак⁵³. Не миновали порубежных жителей XVII в. также проблемы непонимания поколений, знакомые современным семьям. Здесь весьма примечательны случаи перехода через границу подростков. Так, в 1627 г. шведские приграничные власти отрядили человека в Новгород «для сыску и проведывания двух молодых людей, именем Сидорко Бутора да Осипко Степанов, которые отселе убежали от своих отцов и от матерей»⁵⁴.

Люди, имевшие родственников за рубежом, перебегая границу, находили пристанище именно у своих «родимцев». Так, в 1642 г. некий Янка Степанов перешёл со шведской территории, из Кексгольмского лена, в русские земли «к зятю своему к Потапку Ярыеву», который покинул Швецию несколько раньше⁵⁵.

Таким образом, шведские приграничные власти, периодически обвинявшие русскую сторону в попустительстве или даже прямом пособничестве перебежчикам (что было правдой), в свою очередь, не оста-

⁴⁷ Якубов. 1897. Раздел 2. № 2. С. 163.

⁴⁸ Жуков. 2003. С. 101.

⁴⁹ Курсков. 1986. С. 75.

⁵⁰ Жуков. 2001. С. 133.

⁵¹ Селин. 2000. С. 34.

⁵² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

⁵³ Там же. Д. 721. Л. 1.

⁵⁴ Дела Тайного приказа. 1926. Раздел 3. № 5. Стлб. 333–334.

⁵⁵ ОСРК РНБ. Q-IV. № 366. Л. 33 об.–34.

навливались перед применением тех же незаконных методов. Это не служит оправданием действий русских властей, которые, в силу давних связей с перешедшими под власть шведского короля вчерашними царскими подданными, имели больше рычагов воздействия на них. Все же следует признать, что мероприятия шведских приграничных властей, наряду с действиями русской приграничной администрации, оказали определённое влияние на сохранение нестабильного положения в шведско-русском приграничье.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дела Тайного приказа / Ред. С. Ф. Платонов. Л., 1926. Т. 4. (Русская историческая библиотека. Т. 38). 553 стлб.
- Епифанов П. П. Войско // Очерки истории русской культуры XVII века / Отв. ред. А. М. Сахаров М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 1. С. 245–246.
- Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1956. 79 с.
- Жуков А. Ю. Карелия в составе России (конец XV–XVII в.) // История Карелии с древнейших времён до наших дней / Ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макурова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 98–180.
- Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 31–36.
- Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2003. 252 с.
- Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа. М.: Наука, 1994. 189 с.
- Заборовский Л. В. Швеция в общеевропейском контексте в XVII в.: Некоторые вопросы международной жизни // Тринадцатая конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 70–73.
- Иванов К. В. Дипломатическое представительство Швеции в Москве в XVII в. // Шведы в Москве: Материалы российско-шведской науч. конференции: Москва, 1–2 июня 2000 года. М., 2002. С. 39–44.
- Кан А. С. Превращение в великую державу при Густаве II Адольфе // История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1974. С. 185–192.
- Кан А. С. Развитие капитализма в Швеции до промышленного переворота и буржуазная революция начала XIX в. // Скандинавский сборник / Тарт. гос. ун-т. Таллин, 1980. Вып. 25. С. 19–35.
- Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157–197.
- Курсков Ю. В. Русско-шведские дипломатические контакты и развитие общественной мысли России в середине XVII в. // Десятая Всесоюзная конференция по

- изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 74–76.
- Курсков Ю. В. Русско-шведские отношения в 40–50-х годах XVII века (межевые съезды 1642, 1652, 1654 годов) // Скандинавский сборник / Тарт. гос. ун-т. Таллин, 1958. Вып. 3. С. 149–163.
- Лайдре М. Х. Численность шведских войск в Лифляндии в 1655–1661 гг. // Десятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 103–104.
- Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Фёдоровича (1613–1645) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 383–397.
- Миронова О. Н. Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / [Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т]. Н. Новгород, 2009. 208 с.
- Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в. // История Карелии с древнейших времён до середины XVIII века / Под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1952. С. 209–293.
- Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПб ИИ РАН). Колл. 2 (Актовые книги); Ф. 109 («Порубежные акты»).
- Пийримяэ Х. А. Военные расходы Шведского государства в Лифляндии в XVII в. // Скандинавский сборник / Тарт. гос. ун-т. Таллин, 1980. Вып. 25. С. 36–48.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с.
- Поринев Б. Ф. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1945. Т. 2. № 5. С. 317–340.
- Поринев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 435 с.
- Рогинский В. В. Исторический путь Швеции в Новое время: От многонациональной мини-империи к национальному государству // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. М.: Изд. центр РГГУ, 2008. С. 88–103.
- Рогинский В. В. Российско-шведские отношения в Новое время // Шведы и русский север: Историко-культурные связи: (к 210-летию А. Л. Витберга): Материалы Междунар. науч. симп. / Отв. ред. В.В. Низов. Киров, 1997. С. 191–195.
- Российская национальная библиотека. Основное собрание рукописных книг (ОСРК РНБ). Q–IV. № 366 (Переписная книга 1650 года).
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96 (Сношения России со Швецией).
- Селин А. А. Ладога при Московских царях: 3-е изд., испр. и доп. СПб.; Старая Ладога: Нестор-История, 2008. 194 с.
- Селин А. А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 29–36.
- Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 487 с.

- Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М.: Индрик, 2002. 349 с.
- Шаскольский И. П.* Шведское великодержавие // Девятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 101–102.
- Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 319 с.
- Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке: Документы из сов. архивов / Редкол.: А. Аттман, Ф. И. Долгих [и др.]. М.; Стокгольм: Наука, 1978. 296 с.
- Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива и касающиеся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М.: Университетская тип., 1897. 493 с.
- Frost R.* The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow, 2000. 401 p.
- Kirkinen H.* Karjalan historia juurista uudenkaupungin rauhaan // *Kirkinen H, Nevalainen P, Sihvo H.* Karjalan Kansan Historia. Porvoo, 1995. S. 13–171.
- Roberts M.* Gustavus Adolphus: A history of Sweden 1611-1632. Vol. 2: 1626–1632. London, 1958. 848 p.
- Roberts M.* Sweden's Age of Greatness, 1632–1718. London, 1973. 314 p.
- Upton A.* Charles XI and Swedish Absolutism. Cambridge, 1998. 281 p.
- Чепель Александр Иванович**, аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; *achepe1@mail.ru*